

Современный любовный роман

Цена
ОШИБКИ
(НЕ) ЕГО СЕМЬЯ
Ольга Белозубова

Ольга Белозубова

Цена ошибки. (Не) его семья

<https://litres.ru/74212583>

Аннотация

Пятая годовщина свадьбы — радостное событие, но так случилось, что я отмечаю его в кафе с новой подругой: муж в командировке. — Блин, телефон почти сел, — с досадой тяну через несколько часов. — Как такси вызывать? Жаль, муж не дома, так бы заехал за мной. — Точно! — восклицает Илона. — Позвоню своему, он рядом, скоро будет. И тебя подбросим. Через десять минут она машет ему приглашающим жестом. Илона так расхваливала своего мужчину, что мне становится любопытно: каков он, ее принц? Слышу чуть позади тяжелую поступь, оборачиваюсь и... вижу своего мужа и его вытянувшееся лицо. — Знакомьтесь, — сверкает белоснежной улыбкой подруга, не замечая нашей реакции, — это Аня, а это... — Мой муж, Давид, — продолжаю за нее я, будто наяву слыша, как с треском рушится моя счастливая семейная жизнь.

ХЭ.

Содержание

Глава 1. Знакомьтесь, это... мой муж!	4
Глава 2. Обручальное кольцо	11
Глава 3. Куда это ты собралась?	16
Глава 4. Успокойся	22
Глава 5. Любовь Давида Романова	27
Глава 6. Так и быть	33
Глава 7. Давай проверим!	39
Глава 8. Вот это поворот	46
Глава 9. Я всегда буду в курсе, где ты	53
Глава 10. Странный незнакомец	57
Глава 11. Подозрения? Уверенность!	61
Глава 12. Это (не) я	68
Глава 13. Подозрительный муж	75
Глава 14. Ты что наделала?	80
Конец ознакомительного фрагмента.	89

Глава 1. Знакомьтесь, это... мой муж!

Аня

Ох, не зря говорят: у всех проблем одно начало — сидела женщина, скучала.

Лучше бы я продолжала сидеть дома и скучать. Хотя нет, точно не лучше, ведь тогда...

Впрочем, обо всем по порядку.

Я с печальным вздохом смотрю на календарь, что висит дома на холодильнике. Точнее, на обведенное красным маркером число: 19 мая. Пятая годовщина нашей с Давидом свадьбы.

В этот раз эту красивую дату мне предстоит отмечать одной, потому что муж в командировке и вернется только завтра.

— Анют, мы обязательно съездим за город на выходные, в твой любимый отель, обещаю, — перед отъездом нежно сказал Давид, скользнул пальцами по щеке и заправил за мое ухо прядь волос, что выбилась из прически.

Жаль, таких обещаний в последнее время стало многовато. Все из-за задержек мужа на работе: он директор крупной строительной фирмы. Иногда и вовсе уезжает на несколько

дней.

Впрочем, мне ли жаловаться? Хорошая должность не дается легко, тем более все годовщины до этого мы отмечали вместе. У нас крепкая семья, Арина — дочка-умница четырех лет, да и муж еще ни разу не нарушил свое слово. Если что пообещал — в лепешку расшибется, но сделает.

Я наклоняюсь к столу, чтобы вдохнуть аромат огромного букета ярко-алых роз, моих любимых. Их сегодня утром привез курьер, как и записку от мужа.

По телефону Давид сообщил, что у него есть еще какой-то сюрприз, но мне придется подождать до завтра: он хочет вручить его лично.

Я пыталась мужа так и этак, но он настоящий кремень — выстоял, не сознался. Мол, какой же это будет сюрприз?

Придется подождать.

Я доедаю собственноручно приготовленный Цезарь с курицей и обвожу кухню скучающим взглядом. Дома чисто — весь день генералила. Даже вещи и те поглажены, бережно убраны в шкаф.

Чем бы себя занять?

В итоге решаю испечь любимый торт Давида — как раз коржи пропитаются к завтрашнему дню. К тому же я страстно люблю выпечку и постоянно балую мужа и дочь разными новинками.

Он периодически посмеивается, похлопывая себя по животу после моих десертов: «Анют, я так скоро раскабанею,

буду шариком кататься по дому».

Ага-ага, напрашивается на комплименты. Вот уж кому не грозит лишний вес, так это ему. Генетика и силовые тренировки — вот рецепт его широких плеч, мускулистого тела и стального пресса. Это я набрала пять килограммов, пока сижу в декрете, но Давида это нисколько не смущает, наоборот, сказал, что я стала еще красивее и мне не нужно худеть.

Я улыбаюсь, воскрешая в памяти образ любимого мужа, достаю ингредиенты из холодильника, как вдруг раздается телефонный звонок.

Илона, моя хорошая знакомая. Мы познакомились с ней несколько месяцев назад на одном из форумов и сдружились на почве общих интересов. К тому же оказалось, что живем в одном городе, правда, в разных концах.

— Ань, привет! — щебечет она в трубку, как только я отвечаю. — Чем занята?

— Да вот, собираюсь печь торт, — кидаю я взгляд на яйца.

— Мужу?

— Ага, у нас пятая годовщина, правда, он приедет только завтра.

— Тогда бросай это гиблое дело, — хихикает Илона, — позже испечешь. Помнишь, мы хотели встретиться?

— Помню.

— Так вот, сегодня самый лучший день для этого! Погода улет, а еще в центре открыли новое кафе-кондитерскую, тебе точно нужно там побывать. Давай встретимся, а?

— Ну, не знаю... — с сомнением прикусываю я губу.

— Арину не с кем оставить? — грустнеет Илона.

— Нет, она у свекрови с ночевкой.

— Тогда отказ тем более не принимается. Подождет твой торт, а вот я — нет. Ну в самом деле, уже месяц никак не можем встретиться.

Я вздыхаю. Ага, такая она, взрослая жизнь: то у меня дела, то у Илоны.

Ладно, и то правда, чего киснуть в одиночестве? К тому же я не так часто выбираюсь из дома. Первые пару лет в декрете, когда дочка вообще не слезала с рук, обычный поход в магазин без нее уже был праздником. А когда я ходила куда-то без мужа и дочери, и вовсе не помню. Кажется, что в прошлой жизни.

И раз уж сейчас мне выпал такой шанс, грех им не воспользоваться.

— Окей, давай, — соглашаюсь я. — Где там, говоришь, это новое кафе?

— Скину адрес эсэмэской. Тебе пару часов хватит на сборы?

— Да ну, — машу рукой, — мне и получаса хватит.

И вскоре мы с Илоной уже сидим за столиком, а перед нами красуются три пирожных и чашки с кофе. Внутри так обалденно пахнет выпечкой, что даже удивительно, как мы ограничились всего тремя пирожными.

В жизни Илона оказывается еще красивее, чем на фото.

Русоволосая, высокая и стройная, с большими зелеными глазами и пухлыми губами.

Моя полная противоположность. Во мне всего сто шестьдесят сантиметров, плюс каштановые волосы и серо-голубые глаза. Хотя губы тоже полные — от природы. В детстве меня часто дразнили губошлепом, доводя до слез. Зато сейчас такой объем стал модным, а мне и никаких уколов делать не надо.

— Ну, за вашу годовщину? — поднимает чашку с кофе Илона, и мы легонько чокаемся.

А потом слово за словом — заболтались так, что очнулись, только когда на улице окончательно стемнело.

— Ого, — охаю я, взглянув на наручные часы. — Вот это мы засиделись! Мне пора домой, в начале десятого позвонит свекровь, чтоб я почитала сказку на ночь Арине.

— И мне пора, — вздыхает Илона. — Но я рада, что мы наконец-то встретились. Надо делать это почаще.

Я киваю и достаю телефон, чтобы вызвать такси.

— Вот блин, — тяну с досадой, — зарядки осталось всего три процента. Этак я и такси не дождусь. Ладно, пойду ловить на улицу. Жаль, муж не дома, так бы заехал за мной и тебя бы подбросили.

— Точно! — щелкает пальцами Илона. — Давай я своему позвоню? Он тут недалеко, заберет. И тебя довезем.

— Да ну, это, наверное, неудобно.

— Вот еще, — фыркает подруга, — очень даже удобно.

Он у меня вообще очень заботливый и внимательный, точно не откажет.

Она, не дожидаясь моего ответа, прислоняет телефон к уху и через несколько секунд воркует нежным голоском:

— Милый, я тут засиделась с подругой в кафе, ты можешь приехать, забрать меня и подкинуть подругу до дома? Через сколько? Супер! Отлично, спасибо, люблю тебя!

Илона кладет телефон на стол и подмигивает мне:

— Скоро подъедет. Доставим тебя домой в лучшем виде.

Через десять минут ее мобильный снова звонит. Подруга отвечает, вытягивая шею, машет рукой:

— Да-да, мы за столиком в углу.

Потом смотрит на меня:

— Идет.

Она весь вечер расхваливала своего мужчину. По ее словам, он принц из сказки, не меньше, так что во мне просыпается девичье любопытство: каков он на самом деле? Я даже хихикаю, представив его в тяжелом камзоле с золотыми пуговицами. И коня, наверное, припарковал у кафе.

Я слышу чуть позади тяжелую поступь, поворачиваю голову и... вижу мужа и его стремительно вытянувшееся лицо.

Сердце заходится в бешеном ритме. Это что, шутка такая?

— Знакомьтесь, — сверкает белоснежной улыбкой Илона, не замечая нашей реакции, — это Аня, а это...

— Мой муж, Давид, — глухо продолжаю за нее я, будто наяву слыша, как с треском рушится моя счастливая семей-

ная жизнь.

Что сказать, офигенный вышел сюрприз на годовщину свадьбы.

Глава 2. Обручальное кольцо

Аня

Илона ошалело хлопает ресницами, сводит идеальные брови к переносице и даже привстает с места.

— Ты щас серьезно, Ань?

— Куда уж серьезнее... — дрожащими губами шепчу я.

А сама не верю. Не хочу верить, и все тут! Мне хочется себя ущипнуть: вдруг, и правда, сон. Куда там, такое и в самом страшном кошмаре не приснится.

— Что ты тут делаешь? — осуждающе гремит Давид, буравит меня тяжелым взглядом. — Ты же должна быть дома!

На его лице ни капли вины. Это он собрался обвинить *меня*, что не вовремя встретила с подругой и узнала об измене? Вот скотина!

— О, у меня тот же вопрос, милый, — шиплю я и тоже встаю.

Последнее слово коверкаю намеренно: именно так Илона назвала *моего* мужа десять минут назад. Поправочка: похоже, будущего бывшего мужа.

— Нормальная у тебя командировка, я смотрю!

Чувствую, как щеки краснеют, а изнутри поднимается наружу злость, ведь Давид уже успел взять себя в руки и выглядит практически невозмутимым, не то что я. Меня аж трясет от переполняющих эмоций.

— Он правда твой муж? — лепечет Илона, переводя растерянный взгляд с меня на Давида и обратно, как будто все никак не может поверить.

Либо она гениальная актриса, либо действительно не знала, что Давид женат.

И точно, в следующую минуту Илона бледнеет, тоненько пищит:

— Но... у него же нет кольца, Ань... Я не знала, Ань! Он сказал, что не женат! Давид, где твое кольцо?

И тут я перевожу взгляд на его правую руку. Кольца-то нет.

А что, удобненько устроился. И паспорт ей наверняка не показал. Вот козлина!

На секунду Давид теряет выдержку, даже делает полшага назад.

— Отвечай! — подключаюсь я.

— Отдал ювелиру на чистку, — усмехается Давид.

Он что, надо мной издевается?

— Ты меня за дуру держишь? — хриплю я. Меня начинает знатно потряхивать.

Впрочем, вопрос риторический. Наверняка держит. Дура и есть. Как можно было не заметить, что он мне изменяет? Сколько у него было таких Илон?

— Знаешь что, Давид? — цежу я сквозь зубы, в это время стягиваю с правой руки обручальное кольцо с бриллиантом.

А оно, вот же блинство, никак не хочет сниматься. Я злюсь

все больше, дергаю аж до боли, и в итоге платиновый обруч все-таки нехотя поддается. Я бросаю его на стол. Кольцо звенит, подпрыгивает, кружится по поверхности, но в итоге оседает, поблескивая в свете ламп.

— Ты что творишь? — суровееет муж.

— Я творю? Я?! Ты совсем офигел? Оно мне больше не нужно, забирай!

— Быстро надела его обратно, — тихим, но зловещим тоном отвечает Давид.

— Хрена с два! — разъяренно рявкаю я и сразу замечаю, как на нас начинают коситься остальные посетители кафе.

О-о-о...

Нет уж, с меня хватит. Я больше не могу здесь оставаться.

Резким движением хватаю сумку со стула и несусь к выходу.

И болезненно морщусь. Телефон-то сел.

Я выхожу на дорогу, чтобы поймать такси, но буквально через несколько секунд на мое плечо ложится рука, и муж разворачивает меня к себе.

— Аня, дай мне все объяснить! — пыхтит он.

— Объяснить? Что тут объяснять? Я все видела своими глазами! — Мой голос сочится ядом и обидой. — Давай, скажи еще, что бес попутал. Или что Илона тебя заставляла с ней спать под дулом пистолета! О, или вот еще: скажи, что это ошибка!

— Это не ошибка.

Я даже теряюсь на мгновение. В смысле не ошибка? Что тогда?

— Какой же ты гад! — Слезы наконец прорываются наружу, и я всхлипываю.

— Нам надо поговорить, — припечатывает Давид не терпящих возражений тоном.

Поговорить? Чтобы что? Чтобы он навешал мне лапши на уши?

Э нет.

— О чем ты хочешь разговаривать, Давид?

— О нас, о нашей семье. О чем же еще? Я люблю тебя, а ты любишь меня, и у нас все по-прежнему. Илона — это так... — машет он рукой.

Боже, он ведь действительно в это верит! Я смотрю на мужа, на его вздымающуюся грудь и крепко сжатую челюсть.

Он упрямый. Если что втемяшил себе в голову, не отстанет. И спорить с ним сейчас себе дороже.

Значит, пойду другим путем.

— Мы поговорим, — смягчаю тон. — Но не здесь. Дома.

Подмечаю, как Давид заметно расслабляется. Его губы растягиваются в подобии улыбки.

— Я знал, ты передумаешь. Люблю сообразительных женщин. Вот и умничка.

Ага, ты меня еще по голове погладь, как собаку! Сволочь! Ненавижу!

— Только ты сначала отвезешь домой Илону, — заявляю

я.

Муж пытается возразить, но я его прерываю:

— Объяснишь ей все по-мужски. Закончишь с ней, а потом вернешься, и мы все обсудим. Ты ведь не хочешь тянуть с Илоной, все сделаешь сразу, верно?

— Ну... да.

— Вот и договорились, — натянуто улыбаюсь я, содрогаюсь внутренне. — Тогда я поехала, буду ждать тебя дома.

Давид сканирует меня изучающим взглядом, прищуривается, но в конце концов удовлетворенно хмыкает.

— Хорошо, — говорит в итоге.

И тон такой... царский, снисходительный. Мол, так уж и быть, поезжай. Еле сдерживаюсь, чтобы не вклепать пощечину по его холеной физиономии.

Вместо этого поднимаю руку, и первое такси проезжает мимо. Зато второе мигает правым поворотником и тормозит возле нас.

Я не мешкая сажусь внутрь и называю водителю адрес.

В этот момент вполне искренне радуюсь, что мы с Илоной живем на разных концах города. Еще надеюсь, что Илона не отпустит его быстро, устроит концерт, задержит.

А я успею собрать необходимые вещи до того, как Давид вернется домой.

Глава 3. Куда это ты собралась?

Аня

Я глотаю стоящий в горле ком и пытаюсь осознать то, что произошло. Но не выходит. В голове звенит, как только воскрешаю в памяти лицо мужа.

— Девушка, с вами все в порядке? — участливо смотрит на меня водитель такси через зеркало заднего вида.

Я что, слишком громко всхлипнула? Похоже на то.

— Да, спасибо, — лепечу еле слышно и отворачиваюсь к окну.

Не рассказывать ведь горькую правду. Зачем она ему?

Вместо этого достаю телефон и досадливо морщусь. Два процента зарядки. Интересно, хватит ли их на звонок?

Набираю подругу — кроме нее, мне больше не к кому пойти. Тем более с Ариной.

Родителей не стало давным-давно, и меня воспитывала бабушка. Она умерла, когда мне исполнилось девятнадцать.

Из имущества у меня разве что ее старый разваливающийся домик в деревне, красная цена которому сейчас — тысяча пятьдесят. И то, попробуй продай.

Да и переезжать туда совсем не вариант: до ближайшего города тридцать километров, а в самой деревне работы нет от слова совсем.

Я прижимаю телефон к уху, слушая длинные гудки.

— Лиза, привет, у меня телефон садится, так что я быстро, — начинаю тараторить, как только подруга снимает трубку, — можно я с Ариной поживу у тебя?

— Что случилось? — встревоженно интересуется та.

— Давай при встрече, пожалуйста, — жалобным тоном прошу я.

— Да, конечно. Приезжайте.

Только собираюсь выдохнуть, как Лиза восклицает:

— Блин!

— Что такое?

— Ты надолго хочешь? Ко мне через три дня придет тет-ка с племяншом, — оправдывается она.

— Меня... — Хочу добавить: «устроит», но экран телефона гаснет.

Главное, что есть жилье хотя бы на пару дней, а там найду квартиру, и мы с Ариной переедем туда.

Остаться в квартире Давида я не собираюсь, ведь она принадлежит ему.

Как мне жить с ним после такого? Как смотреть в глаза? Как целовать и ложиться в одну постель? Меня аж передергивает, стоит только подумать об этом.

Я убираю телефон в сумку и немигающим взглядом смотрю на проносящийся мимо вечерний город, периодически вытирая слезы.

Обнимаю себя за плечи, пытаюсь унять внутреннюю дрожь.

Подумать только, Давид согласился отвезти Илону домой! Не помчался за мной, не попытался сказать, что ему плевать, как она доберется. Он. Согласился!

Вот насколько он меня ценит. Я горько усмехаюсь. А ценит ли вообще? Или, скорее, принимает как должное?

Что ему не так, ну что? Заскучал? Чего-то не хватает?

Вроде говорят, что женщина всегда чувствует, когда ей изменяют. Выходит, у меня проблемы с чувствовалкой. Атрофировалась, что ли?

Но Давид заботится обо мне и дочке так же, как раньше. Проводит со мной свободное время, дарит подарки, разговаривает длинными вечерами, делится планами.

Его забота проявляется даже в мелочах. Например, если я встаю позже, то он сначала варит кофе мне, потом себе. Потому что он пьет горяченький, с пылу с жару, а я жду, пока остынет.

Да и в постели все в порядке. Конечно, того яркого бешеного огня, что был в самом начале, нет, что не удивительно, ведь мы в браке пять лет. Но все отлично и с качеством, и с регулярностью. Эксперименты? Да, пожалуйста, я не против.

И хозяйка я хорошая, и мама. Это не мои слова — его.

Тогда зачем это ему? Не понимаю! Да еще и в годовщину. Выходит, и не было никакой командировки. Обида колючими иголками царапает изнутри, мешает дышать, и я снова издаю жалкий всхлип.

Он соврал. Поехал к Илоне.

Сердце мучительно сжимается. Что, если она изначально знала, кто я? Может, нарочно это все провернула, подстроила встречу? Тогда наверняка репетировала перед зеркалом искреннее удивление. Я вот поверила.

С другой стороны, она ведь не могла знать, что у меня сидит телефон.

Хотя... Что, если собиралась по-тихому вызвать Давида, а тут такая удача. Я помогла ей собственными руками.

— Приехали, — басит таксист.

Я прошу таксиста подождать и выхожу.

Поднимаю голову, смотрю на восьмой этаж, где живет свекровь, Ирина Григорьевна. Мы нормально общаемся, и она периодически сидит с внучкой. Хоть тут повезло.

Свет горит, значит, еще не легли.

Но я спешу в соседний подъезд, в ближайший магазин — там есть банкомат.

Наличка мне точно не помешает. Не то чтобы я думала, что Давид решит оставить меня без средств к существованию, но... Береженого бог бережет.

Через минуту я глубоко вздыхаю, поджимая губы.

Видимо, моей удачи хватило лишь на звонке подруге: банкомат не работает.

Я несолоно хлебавши возвращаюсь к подъезду свекрови, звоню в домофон.

— Кто? — раздается глубокий голос Ирины Григорьевны.

— Это я.

— Анята? — удивляется свекровь, но открывает, и вскоре встречает меня у двери.

— Арина не спит? — сразу перехожу к делу я. — Я хочу ее забрать.

— Не спит, — недоуменно хмурится Ирина Григорьевна. — Как раз недавно поужинала, скоро собиралась ее укладывать и звонить тебе. Почему хочешь забрать? Ань, что-то случилось?

Свекровь вглядывается в мое лицо:

— Ты какая-то бледная...

— Я... — осекаюсь на полуслове.

Если сейчас вывалю правду, так просто она меня не отпустит, устроит беседу по душам. А мне время дорого.

— Вам потом Давид все расскажет.

— Ла-а-адно, — тянет Ирина Григорьевна и кричит в сторону зала: — Ариш, мама пришла, вы домой едете.

Слава богу, сборы не занимают много времени, и вскоре такси везет меня и дочь домой.

Там я сразу вручаю Арине вожделенный планшет, а сама бегу в спальню, к шкафу.

Ставлю телефон на зарядку, затем достаю большой чемодан, кладу на кровать и начинаю впопыхах кидать в него вещи.

Разумеется, забрать все я сейчас не смогу, поэтому ограничиваюсь лишь самым необходимым.

Однако удача окончательно от меня отворачивается.

В тот момент, когда я уже готова закрыть чемодан, за моей спиной раздается разъяренный голос Давида:

— Куда это ты собралась?!

И я медленно выпрямляюсь, так и не застегнув замок.

Глава 4. Успокойся

Аня

— Куда я собралась? Подальше отсюда, — шиплю на мужа, разворачиваясь и скрещивая руки на груди.

В груди собирается и растет шар клокочущего гнева, меня аж распирает. Так бы и расцарапала смазливую физиономию супруга. Еле сдерживаюсь — не хочу, чтобы Арина стала свидетелем этой уродливой сцены.

До этого мы никогда при ней не ругались, еще испугается.

Почему Давид вернулся так рано? По моим расчетам, у меня было еще полчаса точно. И это в худшем случае.

— Ты сволочь, Романов, и я не собираюсь тут оставаться! — бросаю ему в лицо. — Как ты мог, а? В нашу годовщину!

— Успокойся, — ледяным тоном цедит супруг, делает ко мне шаг и тянет свои лапищи.

— Не прикасайся ко мне! — отпрыгиваю в сторону. — Даже не смей!

— Хорош истерить, кому сказал, — повышает тон Давид. — Хватит с меня истерик на сегодня.

Я недоуменно хмурюсь. О чем он? Я, считай, еще даже не начинала скандалить.

— Да-да, — обвинительным тоном осаждает меня муж, — это все твоя идея: «Отвези Илону домой». Я как клоун стоял в том кафе, пока все на нас пялились, а она истери-

ку закатывала. Еле вытащил ее на улицу! Разумеется, после этого она отказалась, чтобы я вез ее домой.

У меня даже дар речи пропадает от такой наглости. Он не может говорить это серьезно. Смотрю в его лицо, пытаюсь найти там остатки совести, и не нахожу.

— По-твоему, это я виновата, что твоя любовница заката тебе истерику? Ты совсем охренел?!

— Ты же хотела, чтобы я с ней расстался. Так вот, я расстался. Чего еще тебе надо?

И никаких вам извинений, попыток оправдаться. Он ведет себя так, словно вообще не виноват. Подумаешь, изменил. Причем не разово, а вполне себе на постоянной основе.

— Мне что надо? — хватаю ртом воздух я в полном шоке, сдавленно бормочу: — Уже ничего...

— Ты, как я посмотрю, — кивает на чемодан Давид, — нарочно это придумала?

Я отвожу взгляд. Надо же, какой догадливый. В данный момент жалею только об одном — что не успела.

— Я тут не останусь, Давид! Дай мне пройти!

— Остынь, — велит муж, нависает надо мной огромной скалой, и мое тело пробивает дрожь. — Куда ты вообще собралась? Тем более на ночь глядя?

— Не твое дело, — фырчу я.

— Как это не мое? Очень даже мое. Ты, вообще-то, моя жена, если забыла.

— Я хочу развода! — вырывается из меня.

— Забудь это слово, — резко суровеет Давид. — Я его не дам. Ты меня вполне устраиваешь, и я не собираюсь с тобой разводиться.

Меня словно током прошибает. Я вообще не узнаю своего мужа. Передо мной словно его циничный, мерзкий брат-близнец. Который меня ни во что не ставит. Я что, вещь? Захотел — оставил, надоела — выбросил.

— Вполне устраиваю? — ошеломленно бормочу я. — Вполне?!

Сердце начинает колотить так, словно в него с размаху всадили шило. И проворачивают, проворачивают.

Глаза наполняются слезами, я закрываю лицо ладонями и громко всхлипываю.

— Хорош реветь, — басит Давид угрюмо. — Знаешь ведь, не выношу твоих слез. Измены случаются, Аня. Но это не повод разводиться. Разве я был тебе плохим мужем? Все, успокойся. На вот, держи. Хотел завтра подарить, но раз такое дело...

Я убираю руки от лица и наблюдаю, как супруг достает из кармана красный бархатный футляр, протягивает ее мне.

Качаю головой, смотрю на него так, будто он предлагает мне тронуть ядовитую гадюку. Даже не знаю, что меня ошарашивает больше: его непоколебимая уверенность в собственной непогрешимости или сам факт того, что он пытается задобрить меня подарком.

Я прячу руки за спину.

— Не нужен мне твой подарок! — задираю подбородок.

— Бери, я сказал!

Такое ощущение, что я попала в какое-то сюрреалистичное кино. Неужели супруг правда верит, что его дар спасет положение?! Я яростно машу головой из стороны в сторону: не приму.

Тогда Давид сам открывает футляр, подсовывает мне содержимое едва ли не под нос.

Внутри на бархатной подложке покоится кулон изумительной красоты. С большим, темно-синим сапфиром. Я бы безусловно порадовалась такому подарку раньше, но сейчас у меня лишь одно непреодолимое желание. Спешу его озвучить:

— Засунь себе этот кулон в...

Договорить не успеваю, потому что в проеме появляется голова дочери, а затем и она сама. Арина морщит носик, затем переводит испуганный взгляд с меня на Давида.

— Вы что, ругаетесь?

— Нет, милая, — натянуто улыбаюсь дочке. — Так, поспорили немножко. Подожди меня в зале, хорошо?

— Ла-а-адно.

Арина уходит, а муж сверлит меня сердитым взглядом.

— Видишь, еще и дочь напугала! Стой тут, я сейчас вернусь.

Он бросает футляр на кровать, размашистым шагом выходит из спальни.

Куда он пошел? Что задумал? Я все-таки застегиваю чемодан, стаскиваю его на пол. Он меня не остановит. Однако больше ничего сделать не успеваю.

Муж возвращается, поднимает руку и звенит двумя связками ключей от квартиры: моей и своей.

— Дверь я закрыл. Они побудут у меня, чтобы ты не вздумала сбежать ночью. Так и быть, дам тебе время, чтобы ты остыла и хорошенечко подумала своей головой. Не вынуждай меня считать, что ты глупее, чем есть. Иди, укладывай дочку спать. Потом жду тебя в нашей спальне.

Глава 5. Любовь Давида Романова

Давид

Аня смотрит на меня так, словно я сказал что-то запретное.

— Ждешь в нашей с-спальне?

— Да, — подтверждаю. — Ты моя жена, где еще тебе быть ночью?

— Я не собираюсь ложиться с тобой в одну постель! — пищит она.

Я морщусь от этого ультразвука.

— Я лягу в зале, — поспешно добавляет.

— Аня, это не обсуждается, — заявляю со всей серьезностью, киваю в сторону двери. — Иди.

Она медлит несколько секунд, поджимая губы, а потом срывается с места, будто спринтер. Секунда, ее и след простыл.

Неужели она не понимает: супруги должны спать вместе, и неважно, что случилось накануне. Обещаю сегодня быть особенно нежным и внимательным. Приголублю как следует, она и отгадет. Плюс объясню, что люблю ее, ей нечего опасаться Илоны, с которой у меня к тому же все кончено.

А что, если не отгадет? Если взбрыкнет? Что, если еще не отказалась от идеи сбежать? Уж больно дерзкой выглядела... Да ну, куда она пойдет?

Я верчу в руках ключи. Нет, рисковать не хочу, да и не спать всю ночь, карауля их, тоже так себе вариант.

Решено. Я иду в свой кабинет, к сейфу. Набираю выученную наизусть комбинацию цифр, кладу ключи внутрь на папку с документами и закрываю. Пусть лежат тут до утра в целости и сохранности. Теперь она точно не сможет уйти, ведь код знаю только я.

Устраиваюсь в кресле и потираю подбородок, воскрешая в памяти воинственный вид жены, ее ядовитый тон и жуткую обиду в глазах. Такую огромную, что сердце невольно сжимается.

Мозг терзает запоздалая мысль: может, стоило быть с ней помягче, извиниться как-то по-другому?

Тут же качаю головой. Э нет. Стоит только показать, что я чувствую вину, все изменится. Вина — отличный способ для манипуляций. А манипулировать собой я не позволяю. Никому. Даже ей.

И вообще, где моя кроткая, благодушная, мудрая жена? Какой зверь в нее вселился? Настоящая амазонка, ей богу. Вручи я ей копьё, она бы точно проткнула меня насквозь.

Ее настрой разительно отличается от того, к которому я привык.

Вспоминаю тот день, когда впервые ее увидел.

Я зашел в первую попавшуюся кофейню, заказал себе кофе. Потом как обычно: звонки, дела, дела, звонки.

Через некоторое время, когда я наконец откинулся на

спинку стула, отложив телефон в сторону, и начал скользить ленивым взглядом по залу, наткнулся на нее.

Она сидела у окна, читала какую-то книгу, а потом с аппетитом куснула пирожное, довольно сощурилась и улыбнулась. И улыбка ее была такой теплой, искренней и солнечной, что я аж замер.

Мне даже показалось, что она причмокнула от удовольствия.

Что-то в ней такое было... Настоящее, что ли.

Она разительно отличалась от тех девушек, к которым я привык.

Чтобы хоть одна из них с таким наслаждением ела пирожное? Да ни за что. Постоянные диеты, салат из листьев салата на завтрак, обед и ужин. Вечная обеспокоенность собственной внешностью и постоянные попытки улучшайзинга. Да, они как картинки, с ними не грех появиться в обществе, но эта искусственность мне надоела до зубовного скрежета.

Зато эту незнакомку явно не беспокоило, какое впечатление она производила. Обычный хвост с растрепавшимися волосами, какой-то странный свитер невнятного оттенка. Кажется, она даже не накрутилась. Впрочем, приодеть ее совсем не проблема.

И губы... Припухлые, сочные. Такие созданы для поцелуев. Я поймал себя на желании попробовать, какие они на вкус. В этот момент незнакомка встала и направилась в сторону туалета, а я смог рассмотреть ее получше.

Едва не присвистнул. У нее и с фигурой все более чем в порядке. Грудь имелась, попка тоже. Стройная к тому же.

Я тут же решил: сделаю ее своей. Чего откладывать.

Когда она вернулась, подошел и позвал на свидание. После первого было и второе, и третье. Я даже не стал торопить ее с постелью, чего со мною раньше не случалось. Обычно сразу брал, что хотел. Долгие отношения — долгие хлопоты. В случае с Аней моя привычная схема дала осечку.

Мне хотелось постоянно держать ее рядом. Каждый взгляд на нее вызывал во мне чувства, которых я до сих пор не испытывал.

Когда случился наш первый раз, я поначалу даже не поверил: я был у нее первым.

Она, конечно, это упоминала, но я-то думал, что набивает себе цену. Оказалось, не врал.

Следующим утром проснулся, а ее в постели нет. Встал и вышел из спальни, а из кухни мало того, что приятный запах идет, так еще и чисто. И в гостиной, и в самой кухне.

Я-то себя уборкой не утруждал, нанимал для этого специально обученных людей, но вот то, что она встала пораньше и решила навести чистоту, поразило меня до глубины души.

Ни одна из тех девушек, которые побывали в моей холостяцкой берлоге, так не делали. Тем более не готовили мне завтрак.

К тому же Аня оказалась приятной в общении, очень благодарной и обладающей всеми качествами хорошей жены. Я

решил: если так пойдет и дальше, женюсь.

И ни разу об этом решении не пожалел. Ребенка почти сразу ей заделал и еще хочу: уже пацана. Будет полный комплект.

Все шло прекрасно вплоть до сегодняшнего дня.

Как Аня вообще умудрилась встретиться с Илоной? Уму непостижимо.

Но если я и виноват, то лишь в том, что так по-глупому спалился.

В самом деле, разве можно винить мужчину за естественные инстинкты? Все мужья изменяют. А если говорят, что не изменяют, — врут. Ну, либо еще не изменяют, но обязательно это сделают. Сразу, через год, два, три, пять. Срок у всех разный, но результат — один.

Никто из тех, кого я знаю, не хранит верность жене. Да, они делают все скрытно, но даже в случае осечки умные жены делают вид, что не в курсе. Чем не выход?

Я, кстати, и так долго не изменял. Четыре с половиной года.

Даже когда жене запретили секс в последний триместр беременности — выстоял. Когда у Арины начали резаться зубы, и она рыдала ночи напролет, Аня уставала и уделяла мне меньше внимания — я выдержал. Когда друзья звали отдохнуть куда-то, в сауну например, тоже не смотрел налево.

Думал, смогу пойти против своей природы. Не вышло.

Как бы то ни было, я хороший муж, далеко не каждая мо-

жет таким похвастаться. Со мной моя семья как за каменной стеной. Тем более люблю-то я Аню! Ни она, ни дочь ни в чем не знают отказа. Что еще нужно?

И вообще, не зря ведь говорят: хороший левак укрепляет брак.

Я перевожу взгляд на тикающие на стене часы. Вот это я засиделся...

Встаю и спешу в спальню, наверняка жена уже там. Может, даже уснула, тогда придется будить.

Куда там — пусто. Постель до сих пор заправлена.

Где она? Неужто ослушалась? Я сжимаю челюсти и выхожу из комнаты.

Готовься, жена, я иду тебя искать.

Глава 6. Так и быть

Аня

Я расправляю постель для дочери, срывая злость на ни в чем не повинном покрывале — дергаю его с кровати и безжалостно комкаю.

Ух! Я не просто зла, я в бешенстве! Даже пульс и тот зашкаливает. Это ж не муж, это самое настоящее парнокопытное!

Давид не может верить, что я лягу с ним в одну постель после того, как он мне изменил!

Точнее, не изменил, а изменял на протяжении кто его знает скольких месяцев. Или лет?

Вспоминаю, что именно рассказывала Илона о своем «котике», и болезненно морщусь. Насколько я поняла, они встречались месяца полтора.

Почему, ну почему я ни разу не спросила у нее его имя? Впрочем, и сама ни разу не говорила. Муж, и все. Да и общались мы совсем на другие темы.

— Ложись, — киваю Арине на расправленную постель, накрываю ее одеялом.

Дочка ложится, а я беру в руки книгу и так с ней и застываю, продолжая размышлять о своем.

Нет, даже если бы Илона назвала его имя, я бы в жизни не подумала, что речь идет о моем Давиде. До сегодняшнего

вечера искренне верила, что у меня крепкая семья и верный муж. Наивная дура. Его клятва верности и гроша ломаного не стоит. Так, пшик, сотрясание воздуха.

Сердце ноет от горького осознания: она у него явно не первая. Его поведение, отношение к произошедшему, его вид и то, каким тоном Давид произнес: «Я же с ней расстался, чего еще тебе надо», просто кричат об этом.

Действительно, чего еще мне желать?

— Ма-а-ам, ну ты будешь читать? — дергает меня за руку Арина.

— Ой, извини, отвлеклась.

Я открываю книгу на нужной странице, начинаю с выражением читать ее любимую сказку про Айболита, и вскоре дочка уже мерно посапывает.

А мне-то что делать?

Возвращаться в спальню? Ну нет, меня аж передергивает от такой перспективы.

Но одно понятно точно: до утра никуда не деться — Давид наверняка будет держать ключи при себе. Надо бы предупредить Лизу, чтобы не ждала.

Я мысленно стону и хлопаю себя ладонью по лбу. Черт, телефон лежит на тумбочке, заряжается. Идти за ним я не рискну — вдруг муж там?

Минута проходит за минутой, а я так и не могу придумать, как быть.

Пригрозить Давиду полицией, если не отпустит и будет

приставать? Только хуже сделаю: во-первых, полиция, скорее всего, и слушать не станет, мол, милые бранятся — только тешатся. Во-вторых, у него есть знакомые в этой сфере. Замять дело Давиду вообще никакого труда не составит. Эффект будет один: он придет в ярость, и кто его знает, что вычудит. Явно ничего хорошего.

Я тихонько встаю с постели, иду в ванную. Умываю лицо холодной водой и смотрю в зеркало на свое бледное лицо. Ну и видок...

Может, закрыться тут до утра?

Сама же отметаю эту идею. Давид снесет дверь к чертям, он у меня вспыльчивый. Что, если вернуться к дочери и притвориться, что уснула с ней? Арина лежит с краю, и чтобы дотянуться до меня, придется разбудить и ее. Да и не станет он устраивать концерт при ней.

Значит, так и сделаю.

А утром поговорим, и я буду стоять на своем столько, сколько понадобится.

Ну в самом деле, не станет ведь он держать меня в квартире силой вечно? В конце концов, садик Арины никто не отменял, и отвожу ее туда именно я — муж уезжает на работу раньше. Только вот госпожа Фортуна явно решила вернуться ко мне филейной частью: как назло, впереди выходные, а значит, никакого садика.

О-о-о....

В любом случае, других вариантов пока нет. К утру что-

нибудь придумая, а пока открываю дверь ванной комнаты, чтобы вернуться к дочери, и цепенею при виде Давида. Он стоит напротив, опираясь о стену и засунув руки в карманы домашних штанов.

— Ну что, ты подумала? — сканирует меня взглядом он.

— Ты серьезно? — вскидываю брови. — Когда мне было думать, если я только что уложила Арину? Я не пойду с тобой в спальню!

— Я хочу, чтобы ты спала со мной, — суровееет муж. — Я тебя хочу.

Мои глаза округляются до невиданных размеров, а желудок сводит от ужаса. Мне хочется закричать: «Меня?! Ага, а еще Илону. И наверняка не только ее!»

Но я осекаюсь, едва открыв рот. Смотрю на него и совсем не узнаю.

А еще... если я что и поняла за время жизни с мужем, так это то, что повышенный тон вызывает у него лишь одну реакцию: он идет на принцип и не уступает.

С ним нужно по-другому. А значит, орать нельзя, как бы ни хотелось.

Уговариваю себя: потерпи, Аня. Ты знаешь, ради чего делаешь то, что нужно.

Собираюсь с духом и прошу:

— Давид, не трогай меня сегодня.

Специально выделяю последнее слово. Пусть думает, что речь только о текущей ночи.

— Дай мне немного времени. Я так не могу, понимаешь? Пожалуйста!

Муж сводит брови к переносице, упрямо поджимает губы. Неужели действительно не видит проблемы? У меня в голове не укладывается, как можно быть настолько черствым и эгоистичным.

— Попробуй меня понять, разве это так сложно? Как бы ты чувствовал себя на моем месте, узнай о таком в годовщину нашей свадьбы?

Его лицо все еще абсолютно непроницаемо.

— Давид, ты сделал мне очень, очень больно! — хриплю я. — Если ты хоть чуть-чуть, хоть самую чуточку меня любишь, позволь эту ночь провести в гостевой спальне. Мне нужно прийти в себя.

Я страдальчески морщусь, прикрываю веки и всхлипываю, прижимая руки к груди.

— Неужели я так многого прошу?

Глаза влажнеют сами собой, мне даже притворяться не приходится. Несколько секунд, и вот первая слезинка катится по щеке. А за ней вторая.

Давид прищуривается, ведет по мне строгим взглядом сверху вниз и обратно.

С гулко ухающим сердцем наблюдаю, как он поднимает руку.

Замираю, даже, кажется, дышать перестаю. Неужели не проняло? Неужели схватит и потащит в спальню?

Вместо этого муж большим пальцем стирает с моей щеки слезы, шумно выдыхает и хрипло басит:

— Так и быть. Но только сегодня. Все, не реви.

Сработало! Ура! Я стоически сдерживаюсь, чтобы он не увидел моего облегчения.

Давид разворачивается и уходит, а я еще некоторое время стою на месте, пытаюсь успокоиться. Меня начинает знобить от переизбытка эмоций, которые пришлось задавить в зародыше.

Но самое главное — все получилось.

Мозг ехидно напоминает: получиться-то получилось, но всего на одну ночь. Что будешь делать завтра?

И как Давид поведет себя утром? Ждать долго он явно не намерен.

Глава 7. Давай проверим!

Аня

Я забываюсь беспокойным сном лишь к утру.

Мне снится отвратительная сцена в кафе, а потом я внезапно оказываюсь привязанной к кровати в нашей спальне, и на меня надвигается Давид, по пути расстегивая рубашку.

И вид у него такой... брр...

Просыпаюсь в холодном поту и выдыхаю. Это всего лишь сон.

Пялюсь в потолок, воскрешая в памяти все, что случилось вчера.

Что случилось с моим мужем? Да, он упрямый, темпераментный, порой резкий, может и крепким словом приложить, но... не меня. Таким грубым и бессердечным я его никогда не видела. Может, это только потому, что и повода не давала? Мелкие споры не в счет, они бывают у всех. В конце концов, я ведь всегда дома, всегда на виду, всегда стараюсь для него и для Арины, уважаю его решения и принимаю их.

А тут вздумала взбелениться, и его будто подменили.

Я впервые в жизни его боюсь. И больше не доверяю.

Встаю с кровати и накидываю халат. Толку лежать, все равно больше не усну. Часы на прикроватной тумбочке показывают шесть утра.

Значит, у меня есть час до того, как проснется Арина.

Давид еще тоже в кровати, скорее всего. Он жаворонок, но в выходные позволяет себе поспать до восьми, а порой и до девяти утра.

Решаю сварить себе кофе, чтобы хоть немного реанимировать кипящий мозг.

Однако когда захожу на кухню, первым делом вижу... драгоценного мужа. Везет мне, как утопленнице.

Перед ним на тарелке одно из приготовленных мною пирожных. Точнее, уже половина, потому что вторую он смячил. В эту секунду я жалею, что там нет мышьяка. Ну, или хотя бы слабительного.

— Доброе утро. — Давид помешивает свой кофе ложкой.
— Проходи, кофе готов.

Мои брови невольно взлетают. У него такой тон, будто у нас обычное семейное утро, каких были сотни до этого.

Я скольжу мимо мужа, неприлично долго, тонкой-тонкой струйкой наливаю кофе в чашку и разворачиваюсь.

— Садись, — кивает на место напротив Давид.

Я присаживаюсь и молчу, сверлю его взглядом исподлобья. Он спокоен как удав.

А вот меня берет зло, накрывает волной, заполняя каждую клеточку тела.

Вообще-то, это муж должен скользнуть тенью по кухне, а не я. Просить прощения, умолять его простить, пытаться загладить вину.

Это он виноват, а не я.

А он ведет себя так, словно я должна, нет, обязана все забыть и делать вид, что у нас все прекрасно. Этак он действительно поверит, что все хорошо.

Нет, передышку сегодня ночью я вытребовала не зря, мне и правда нужно было время, чтобы хорошенечко подумать. И я подумала.

— Давид, — поднимаю подбородок, заявляю решительно: — Я требую развода.

Он в это время как раз делает глоток кофе и сильно закашливается. Когда восстанавливает дыхание, мерит меня ледяным, пробирающим до мурашек взглядом, и цедит сквозь зубы:

— Я тебе уже сказал: не проси. И куда ты собралась? Если мне не изменяет память, идти тебе решительно некуда.

— Это не твое дело. Я найду куда.

Давид приземляет чашку на стол, злится:

— Тогда у меня другой вопрос: на что ты, дорогая моя, собираешься жить?

— Заработаю.

— Хм, — язвительно усмехается он. — Ты ни дня не работала, как вышла за меня замуж. Куда ты устроишься? Поломойкой, что ли? Ты вообще в курсе, сколько им платят в месяц? Да у тебя один комплект нижнего белья стоит дороже. Или ты на что-то рассчитываешь? На что, милая? Уж не на раздел ли имущества? Так и знай, ты получишь ровно то, с чем пришла. То есть ноль. Я-то могу позволить себе луч-

шего адвоката, а ты?

Я и так знаю, что все его имущество куплено до брака, значит, останется ему.

— Мне от тебя нужна только дочь! — бросаю в сердцах.

Меня поражает другое: так вот, значит, что он обо мне думает? Что я ни на что не способна?

— И вообще-то, я не работала только потому, что ты не хотел. Ну, и потому что Арина болела. А так у меня есть диплом, если ты вдруг забыл.

— Кухарки? — ухмыляется он.

— Кондитера.

— И сколько ты на этом заработаешь? Десять копеек? Не смейся меня, Аня.

— Сколько заработаю, все мое. К тому же ты должен мне алименты.

— Не вопрос. Но только после суда. То есть очень, очень нескоро. Что ты будешь делать до этого?

Я хватаю ртом воздух. Вот скотина!

— В общем, так, милая. Ты заканчиваешь истерить, и мы живем как раньше. Усекла? — припечатывает Давид. — И вообще, ты об Арине подумала? Она привыкла к определенным условиям жизни.

Вообще-то, как раз подумала. Не собираюсь воспитывать ее в семье, где измена — нормальное дело, а мать живет с потухшим взглядом и боится собственного мужа. Не хочу, чтобы она повторила мою судьбу.

— Это ты усеки, — в запале бросаю я, — я никогда не прощу тебя, слышишь, никогда! Ты мне в любви клялся, в верности...

Давид повышает тон, его глаза темнеют от гнева:

— Давай без громких пафосных слов. Настоящая жизнь, Аня, совсем не такая, какую ты привыкла видеть в сериалах. Прими уже как факт: ты не сможешь растить дочь одна. Ты без меня вообще ни на что не способна.

— Давай проверим! Ты, дорогой, слишком много о себе думаешь, — шиплю я. — Я приняла решение и не отступлю. Ты не сможешь держать меня взаперти вечно. Я все равно уйду.

— Упрямышься, значит? В себя поверила, я посмотрю?
Киваю.

— На тебе свет клином не сошелся, Давид. Жила же я до тебя как-то.

— Ну так вспомни, где ты жила. В вонючей общаге при техникуме.

— Обычное было общежитие, — парирую я. — И нормально я там жила. И сейчас прекрасно проживу. Прекрасно.

— Без меня? — вскакивает с места Давид, опирается ладонями о стол. — И без моих денег?

Киваю.

Муж звереет, у него даже глаз дергается. Рывкает:

— Прекрасно, говоришь? Ну давай-давай, поживи.

Не успеваю я сказать и слова, как он с бешеным видом вылетает из кухни и возвращается спустя полминуты.

— На! — бросает на стол мои ключи. — Иди, забирай свой чемодан. И не забудь оставить на тумбочке карту, которую я тебе дал.

Он это что, серьезно? Я таращусь на него в полном шоке, не веря своим ушам. Я-то готовилась к долгой перепалке. Даже к битью посуды, крикам и так далее.

Вдруг это какая-то игра?

— Чего расселась? — продолжает греметь он, машет рукой в сторону выхода. — Давай, вали! Посмотрим, как ты проживешь без денег и на что будешь содержать дочь.

Я охаю. Не шутит. Довела.

Резво вскакиваю и бегу в спальню за чемоданом, пока он на эмоциях.

Только бы успеть, пока не передумал.

Где чемодан? У шкафа его не вижу. Открываю дверцу, и точно. Стоит внутри, родимый.

Я вытаскиваю его наружу, а затем начинаю резво отодвигать в сторону вешалку за вешалкой. Надо положить с собой пару кофт и пиджаков. Вдруг замечаю, как вниз летит какой-то белый маленький прямоугольник.

Поднимаю его. Чек из ювелирного салона месячной давности. Золотые серьги с изумрудами.

Мне он их не дарил. И на годовщину подарил кулон. Выходит, купил Илоне? Ну гад!

Я сминая чек и со злостью бросаю его на постель, яростно запихиваю в чемодан вещи.

Вскоре закрываю за собой входную дверь. В одной руке — ручка чемодана, в другой — теплая ладонь сонной дочери.

В ушах до сих пор звенят слова Давида, которые он бросил напоследок: «Так и знай, не вернешься через неделю, потом обратно не приму».

И не надо. Увидимся в суде.

Мы выходим на улицу, и я достаю телефон, чтобы позвонить Лизе и предупредить, что скоро приедем.

Вижу несколько пропущенных от нее.

Набираю ее номер, и она снимает трубку почти сразу:

— Ань, привет. Ты чего не отвечаешь? Ты вчера с Давидом поссорилась, что ли?

— Да.

— Я так и поняла, — тянет Лиза. — Не дождалась тебя, решила, что помирились. Вовремя, кстати.

— Почему? — Сердце пропускает удар.

— Да тетя решила нагрянуть пораньше, приедет уже сегодня вечером.

— Я поняла... Потом перезвоню, Лиз, — глухо шепчу я и кладу трубку.

И куда нам теперь идти?

Глава 8. Вот это поворот

Аня

Я растерянным взглядом смотрю на потухший экран мобильного и прикусываю губу. Плечи опускаются.

Я так рассчитывала на Лизу. Нет, у меня к ней никаких претензий, это ведь я собиралась свалиться ей как снег на голову. У нее своя жизнь и дела.

Только мне-то что делать?

Одно понятно точно: торчать у подъезда не вариант. Кто его знает, что взбредет в голову Давиду? Вдруг он уже подостыл и пожалел?

Впрочем, о чем это я... Виноватым он себя не считает, так что наверняка верит, что все сделал верно и ни капельки не сожалеет.

И все-таки сердце саднит, неприятно ноет от огромной обиды. И за себя, и за дочь.

Ну ладно я, взрослый человек, не пропаду. Хотя, по его мнению, как раз таки пропаду. Но он так легко отпустил со мной Аришу, словно совсем ею не дорожит. Словно ему вообще неважно, что с ней будет.

Гад, и только. Или он на это и рассчитывал? Что с дочерью мне будет намного сложнее, и я быстренько вернусь к нему, поджав хвост?

Если так, то ему придется ждать до ишачьей пасхи.

Конечно, мне будет сложно: я не тешу себя иллюзиями и не жду помощи от феи-крестной. Нет у меня такой. Но лучше уж одной, чем продолжать жить с мужем на его условиях, то есть добровольно делить его с другими и закрывать на это глаза.

Мы с Ариной бредем вперед, подальше от дома и от Давида. Под мерное шуршание колесиков чемодана по асфальту я размышляю, что делать дальше, раз вариант с Лизой отпадает.

М-да, проблема. Тут же возражаю сама себе: не проблема, а задача. И я ее решу.

Давид забыл, что я не жила в роскоши с пеленок. Жизнь в деревне неплохо закаляет, и работы я не боюсь.

Слава богу, у меня, кроме его карты, есть и своя. Сумма там небольшая, и копила я ее, чтобы купить подарок ему на день рождения. Продавала свою выпечку и торты знакомым, складывала копеечку к копеечке. Так хотелось сделать ему приятно, чем-то удивить. Брать его же деньги ему на подарок казалось мне неправильным. Выходит, не прогадала.

Еще сдам в ломбард украшения, что на мне. Да, они куплены на деньги мужа, но я их заслужила, даже если он считает, что я сидела дома сложа руки.

Я планировала найти за выходные какую-нибудь маленькую квартирку, поискать работу, а с понедельника, когда Арина будет в садике, начать ходить по собеседованиям.

Только вот таскать за собой дочку при просмотре квартир

совсем не вариант.

Я снова достаю телефон и набираю Лизу, прошу ее посидеть с Аришей хотя бы несколько часов. Ну, и оставить у нее мой чемодан. Слава богу, та соглашается.

Пока мы идем к ближайшей остановке, я ощущаю вибрацию мобильного в сумочке.

Свекровь. Взять трубку или нет?

В итоге решаю не брать. Мы с ней прекрасно ладили, но кто его знает, что будет теперь. Вдруг Давид уже наябедничал? Если так, он стопроцентно выставил меня в невыгодном свете, а получать очередную выволочку мне совсем не хочется.

Да и не готова я сейчас к серьезным разговорам. Мне с головой хватило «увлекательной» беседы с мужем.

К тому же я знаю точку зрения Ирины Григорьевны: в семье, случись что, всегда виноваты двое.

Вот только что касается измен, это полная туфта. В измене виноват тот, кто изменил.

Если уже пойман на измене, фразы-оправдания в стиле «Ты стала хуже выглядеть», «Мне не хватает секса», «Ты не уделяешь мне внимания» и так далее — гнусные манипуляции и желание переложить вину.

Ну в самом деле, если что-то не устраивает, так скажи об этом словами через рот! Объясни, что не так, как хочешь, чтобы было, предложи какие-то варианты, в конце концов.

Если разговоры никуда не привели, любимый человек не

желает ничего менять, то расходишь и тогда уже сношайся с кем и как хочешь.

Только вот я, например, ни разу не слышала от Давида, что его что-то не устраивает, так что пусть даже не пытается выставить меня виноватой.

У-у, скотина! Меня берет такое зло, что даже чемодан и тот начинает шуршать грозно.

Ждать маршрутки долго не приходится, и пока мы едем к Лизе, я ищу в интернете подходящие квартиры. Часть откладываю в избранное, по некоторым объявлениям звоню сразу и договариваюсь о встрече сегодня.

Спустя полтора часа я выхожу из квартиры подруги и спешу на просмотр одного из вариантов. Цена не кусается, мебель есть, да и дом не так далеко от садика Арины. И сдает хозяин, а не агентство, как мне и нужно.

У подъезда меня встречает худощавая шатенка лет пятидесяти, улыбается.

— Здравствуйте, вы Аня?

Я киваю, и мы поднимаемся на третий этаж.

Карина, так зовут хозяйку, показывает, где что находится, и я удовлетворенно киваю.

Квартира хоть и старенькая, но зато светлая и достаточно уютная.

Неужели мне так сразу повезло?

— Соседи спокойные? — поворачиваюсь к хозяйке.

— Да-да, — как-то сразу торопится с ответом Карина. —

Тихие, беспроблемные.

Что-то тон у нее при этом какой-то странный, и голос стал выше. Хм.

— Ну так что, берете? — спрашивает она, когда мы выходим в коридор. — У меня после вас еще три человека хотели посмотреть.

Цену себе набивает, как-то сразу понимаю я.

А в следующее мгновение слышу за стеной глухой удар, как будто что-то упало на пол. За ним еще один.

Карина ощутимо краснеет под аккомпанемент женского голоса за той же стеной:

— Ах ты сука! Пошел вон отсюда, и дружков своих забери, пьянь подзаборная!

Вслед за женским визгом слышу грохот в подъезде.

О как. Тихие, беспроблемные соседи в моем понимании выглядят совсем не так.

Нет уж, такой вариант мне и дочке не подходит.

— Отказываетесь? — грустнеет Карина.

Я киваю, разводя руками.

Теперь догадываюсь, почему цена на пару тысяч ниже средней по рынку. Лишние деньги мне бы не помешали, но безопасность дочери куда дороже.

Я выхожу из подъезда и спешу к пешеходному переходу. Достая из сумочки сотовый, чтобы глянуть следующий адрес, встаю как вкопанная и открываю рот в изумлении.

«Аня, привет. Давай встретимся, поговорим? Пожалуй-

ста!»

Сообщение от Илоны, пришло десять минут назад.

Вот это поворот. Сказать, что я такого не ожидала, значит сильно преуменьшить.

О чем она хочет поговорить? Что сообщить?

Да еще и «пожалуйста». Сперва ловлю себя на желании проигнорировать ее сообщение. Что, если она все-таки знала, что Давид мой муж, с самого начала?

Тогда ничего, кроме грязи, я от нее не услышу.

Но вдруг ошибаюсь? Вспоминаю, как хорошо мы с ней общались, сразу нашли общий язык. Я считала Илону веселой и разносторонней. А еще искренней и доброй.

Либо я сильно ошиблась, либо так и есть, и Илона в этой ситуации такая же жертва, как и я.

Я тяжело вздыхаю, задумчиво верчу в руках сотовый.

Встречаться с ней или нет? Прислушиваюсь к внутренним ощущениям и в итоге решаю: встречусь.

Только сначала посмотрю еще хоть пару квартир, уже ведь договорилась.

Как раз между вторым и третьим вариантом нужно будет ждать минут сорок, потому что они рядом. В это время с ней и поговорю.

И вроде сама согласилась на встречу, а все равно сердце ускоряет бег, и меня бросает в жар.

Отправляю Илоне сообщение, спрашиваю, сможет ли она подъехать по указанному адресу через час, и практически

сразу получаю ответ: «Буду».

Глава 9. Я всегда буду в курсе, где ты

Давид

В квартире непривычно тихо, и мои шаги отдаются гулким эхом.

Я психую и мечусь из комнаты в комнату, сам не понимая зачем. Что хочу найти? Жену и дочь, которых сам же и выставил?

Позволил эмоциям затмить разум, вспылел. Обычно Аня умело гасит мои эмоциональные всплески, а тут наоборот, подкинула дровишек в пылающий костер, как будто назло.

Она взбесилась не хуже моего. Вообще ни секунды не сомневаясь бросилась вон, как будто совсем мною не дорожит. Но я ведь знаю, что это не так. Она меня любит.

К тому же я пожалел о том, что сделал, буквально через полчаса. Передумал, выскочил на улицу, чтобы вернуть. Решил: если будет надо, силком потащу в квартиру. Но их уже и след простыл.

Пришлось вернуться обратно ни с чем.

Ну, ладно я психанул, но жена о чем думала? Неужели действительно верит, что справится сама? Ее наивность определенно выйдет ей боком.

Я уверен, хватит и пары недель, чтобы жизнь преподала

ей хороший урок, чтобы Аня оценила все то, что я для нее делал и продолжаю делать.

В самом деле, жила как у Христа за пазухой, ни в чем не зная отказа, а тут разом всего этого лишится, столкнется с жизнью без прикрас. Поймет, что люди по большей части злы и расчетливы, а некоторые еще и опасны.

Вот именно, опасны. Она у меня доверчивая, вдруг вляпается куда-нибудь? Стоит об этом подумать, как внутри сыпается зудящая тревога за семью. Где они? Как они?

Да, доходчивый урок Ане не помешает, но какой ценой? Что, если с ними что-то случится? Есть ли у нее вообще деньги, хоть сколько-нибудь?

Не могла ведь она и вправду уйти с дыркой от бублика в кармане.

Вспоминаю, что несколько дней назад оставлял ей приличную сумму на текущие расходы.

Спешу на кухню, к холодильнику. Если жена еще не успела заказать продукты, значит, деньги точно есть. Открываю дверцу и с досадой скриплю зубами. Холодильник забит под завязку. Выходит, потратила если не все, то почти все.

С одной стороны, это хорошо. Быстрее вернется.

В самом деле, ну куда она собралась без денег? Вот ведь глупая женщина! Ишь ты, какая гордая и независимая. Куда она без меня? То-то и оно, что никуда.

Скорее всего, ей даже квартиру снять не на что. Наверняка решила остановиться у какой-нибудь подружки. Но у ка-

кой?

Насколько мне известно, подруг, с которыми она общается, можно пересчитать по пальцам одной руки. Первая, Наташа, давненько замужем, у нее трое детей мал мала меньше и муж. Все теснятся в двухкомнатной квартире, так что к ним она точно не пойдет.

Вторая, Лиза, вроде не замужем. Вероятно, к ней она и направится.

Хм. Что, если нет? Надо проверить.

Не думает ведь Аня, что я отпущу ее и не позабочусь узнать, где она и что делает?

Вот еще. Она моя жена, и я должен знать о каждом ее шаге. Тем более с ней дочь, и ее безопасность — моя прямая обязанность.

Послежу за ними издали, посмотрю, как Аня потыкается, помыкается, а потом и вернется.

В моей работе вместе с занятостью и сотней задач, которые приходится решать ежедневно, есть и свои плюсы.

Я достаю телефон, чтобы позвонить начальнику охраны и велеть ему пробить номер телефона жены.

Однако нужный номер так и не набираю, расплываясь в довольной улыбке и мысленно хлопая себя ладонью по лбу.

Точно, как я мог запомнить? Нет нужды пробивать ее номер, потому что у меня в телефоне стоит приложение, которое и так покажет, где моя женушка. Я поставил его, чтобы не волноваться, когда Аня с Ариной отправились в северную

столицу на несколько дней.

Хорошо, что не удалил. Да и она наверняка об этом забыла. Тем лучше.

Теперь я всегда буду в курсе, где ты, моя дорогая.

Глава 10. Странный незнакомец

Аня

Ура!

Первый блин хоть и вышел комом, зато второй оказался вполне себе ничего.

Это я про квартиру, разумеется.

Она чуть меньше, чем та, которую я смотрела первой, зато ремонт свежее, а главное — есть все для жизни, даже посуда. В соседней квартире живет какая-то бабушка, так что и здесь повезло.

К тому же хозяин — приятный мужчина лет сорока, сказал, случись что, смело могу к нему обращаться.

Я не стала мешкать, и мы сразу подписали договор, так что заезжать можно уже сегодня.

Я выхожу из подъезда в приподнятом настроении, позвякивая брелоком с ключами, и внутри расплывается глубокое чувство удовлетворения.

«Ты без меня вообще ни на что не способна!» — вспоминаю жестокие слова мужа.

Вот тебе, Давид, выкуси!

Осталось только встретиться с Илоной, и поеду забирать Арину и вещи.

Когда подхожу к пешеходному переходу, подмечаю, что зеленый сигнал светофора вот-вот сменится красным. И сле-

дом вижу сгорбившуюся старушку прямо посреди дороги.

Она что-то кряхтит себе под нос, не смотрит по сторонам. Собирает рассыпавшуюся картошку в коричневую авоську, а рядом лежит порванный пакет с оставшимися клубнями.

Этак ее собьют! Спешу к ней.

— Давайте помогу, — подключаюсь, начинаю помогать.

От машины, вынужденной остановиться, доносится резкий звук клаксона, и бабулька испуганно причитает:

— Ой, как же это я... Задерживаю всех, мешаю. Сейчас-сейчас.

— Ничего, подождут, — мягко улыбаюсь я. — Давайте сумку.

— Спасибо, деточка.

Мы делаем несколько шагов, и бабушка внезапно начинает заваливаться на бок. Я еле ее удерживаю, помогаю устоять. Что случилось?

— Кажись, ногу подвернула, — охает она. Пытается сделать шаг и вскрикивает от боли.

При этом мы все еще на проезжей части.

Перед нами вынужденно останавливается очередной автомобиль, синий мерс.

Я вздыхаю. Ну давай, еще ты попиликай, напугай женщину еще больше.

Однако этого не происходит. Через секунду открывается водительская дверь, и наружу выходит темноволосый мужчина. Симпатичный. Высокий и широкоплечий.

Он хмурится и нависает над нами могучей тучей. Я каждой клеточкой тела ощущаю исходящую от него силу и опасность, громко сглатываю. Наорет?

— Помощь нужна? — бархатным, обволакивающим баритоном интересуется он вместо этого.

— Нужна, — киваю. — Бабушка ногу подвернула.

Незнакомец включает аварийку и подходит к нам.

— Давайте отвезу ее в травмпункт, — предлагает он.

— А вы можете? — приподнимаю брови я.

Он кидает взгляд на дорожные наручные часы. Откуда я знаю, что дорожные? У мужа были такие же.

— У меня есть час, — сообщает мужчина и обращается к бабуле: — Ну что, поедете?

— Да куда ж деваться-то, — бормочет та. — Спасибо, милый, вовек не забуду.

Я беру бабулю под один локоть, незнакомец под второй, и мы потихоньку ведем несчастную бабушку к машине.

— Я Тимур, кстати, — сообщает он, помогая той устроиться на заднем сиденье.

— Аня, — представляюсь. — Спасибо вам большое. Дальше вы сами?

— В смысле сам? — вскидывает брови Тимур. — А как же ваша бабушка?

— Так она не моя бабушка, я просто ее увидела и помогла, — развожу руками.

Лицо нового знакомого вытягивается. Чему он так удив-

ляется?

— Разве вы не... — чешет он затылок, — ладно, неважно.

— Ну, тогда я пошла.

Я разворачиваюсь и ухожу.

Странный какой-то этот Тимур. Интересно, что он там себе думал?

И почему вообще помог? Впрочем, какая разница, главное, что сделал это.

Вскоре я, жутко волнуясь, захожу в кафе и верчу головой из стороны в сторону. Илоны еще нет. Занимаю столик у окна, звоню хозяйке третьей квартиры и отменяю просмотр.

Только кладу телефон на столик, как вижу: на стоянку у кафе подъезжает такси, и из него выходит Илона.

Стоит ей зайти внутрь, как я начинаю переживать пуще прежнего.

Что она мне скажет?

Глава 11. Подозрения?

Уверенность!

Аня

Илона присаживается напротив меня. Бледная, глаза опухшие. Настолько опухшие, что я как-то сразу понимаю: это не от недосыпа — от слез. И взгляд потухший. И нервничает она не меньше моего.

Впрочем, я едва ли выгляжу сильно лучше. Пока была у Лизы, немного привела себя в порядок, но бессонная ночь и слезы сказались и на мне.

К нам подходит официант, и мы заказываем кофе.

— О чем ты хотела поговорить? — перехожу к делу.

— Я... — Илона опускает взгляд и громко сглатывает. — Спасибо, что согласилась встретиться. Ань, хочу, чтобы ты знала: я действительно не подозревала, что Давид женат. Я рассказывала о нем, не догадываясь, что говорила о твоём муже.

Я болезненно морщусь. Всю ночь крутила в голове ее дифирамбы в адрес Давида. Не хотела, но они лезли и лезли без спроса, гремели оглушающим набатом.

Илона убирает волосы за плечо, оголяя шею, и я замираю.

В голове сразу рисуется живописная картинка, как муж обнимает ее сзади, как наклоняется, нежно целует ее шею,

что-то горячо шепчет ей на ухо.

Или страстно прижимает к себе, скользит ладонями по ее стройному телу, несет в кровать, и там...

Сколько этих картинок я видела сегодня вместо сна — не счесть. Каждая острым уколом впивалась в сердце, сводила с ума.

Я ведь радовалась за подругу, желала им счастья. Желала ей счастья с моим собственным мужем!

Издавательское у судьбы чувство юмора...

Впрочем, если бы не Илона, неизвестно, сколько еще времени я бы пребывала в облаках, в стране радуг и розовых единорогов. Падать оттуда на землю оказалось зверски больно.

— Вы встречались полтора месяца? — решаю уточнить, хотя и так знаю ответ.

— Да.

Спросить, как именно познакомились? Нет, не стану. Мне и так настолько плохо, что усугублять страдания — это расписаться в собственном мазохизме.

Да и что мне это даст? Очередное подтверждение, что мой муж — козлище? Я уже в курсе.

— Ты, наверное, не веришь мне, считаешь, что я специально это подстроила, да? — печалится Илона.

— Я думала об этом, — не скрываю.

Я действительно долго размышляла, не подстава ли это со стороны подруги. Ну, а что, вдруг она продумала план и

реализовала его как по нотам: сначала знакомится со мной, потом «знакомит» меня с моим мужем. Я ухожу от него, а она, радостно потирая руки, забирает его себе. К тому же она так настаивала на встрече...

— И к какому выводу пришла? Если ты мне не веришь, — заламывает руки Илона, — я могу показать сообщения, где мы договариваемся о первом свидании. Там видно даты и по самой переписке понятно, что встреч до этого не было.

О нет, увольте.

— Не нужно. Я тебе верю.

Верю, потому что кое-что не сходится. Вчера Илона просила о встрече не в первый раз. Первые два — когда Давид был дома. Я хорошо это помню как раз потому, что отказывала, ведь мы проводили время вместе с дочкой.

Если она хотела столкнуть нас лбами, то не стала бы приглашать, когда Давид не с ней. Да и вообще, могла бы просто скинуть их совместное фото — встречаться для этого совсем не обязательно.

К тому же мы с ней общались уже несколько месяцев на тот момент, когда она начала рассказывать о своем «принце».

Принц, блин! Меня снова затапливает гнев чудовищных размеров. С какой стороны ни посмотри, замечательный мужчина. Заботливый, внимательный, щедрый. Только кобелина знатный. Но это, по его мнению, так, мелочь, которой можно пренебречь.

До сих пор в голове не укладывается, что он искренне в это верит.

Официант приносит кофе, и я дрожащей рукой беру чашку в руки.

Делаю глоток и закашливаюсь — горло сводит резким спазмом.

Илона дожидается, пока я откашляюсь, и начинает тараторить:

— Ань, я очень тобой дорожу, правда. Знаешь, можно годами общаться с человеком и так и не сблизиться. А с тобой мне сразу было легко, как будто знакомы всю жизнь. Наверное, ты не захочешь со мной общаться после того, что случилось. Я понимаю. Но и отпустить это просто так я не могу. Не могу, и все тут, потому что ты стала мне близким человеком. Мне так стыдно... — всхлипывает она. — Я хотела встретиться, чтобы показать переписку, доказать, что не знала, если ты мне не поверишь. Чтобы попросить прощения.

Я смотрю на нее с искренним изумлением.

— Стыдно должно быть не тебе, — припечатываю я. — А Давиду. И за что ты просишь прощения? Ты ведь не знала, что он женат. Или ты что-то не договариваешь?

— Нет, — качает головой Илона. — Но ты же из-за меня с ним разругалась, еще и в годовщину.

— На твоём месте могла быть любая, ты ни при чем. Если бы ты сознательно согласилась на роль любовницы, другое дело.

— Я не соглашалась! — восклицает подруга. — Ань, я была замужем, ты знаешь. И была в роли той, кому изменяли. Поэтому знаю, как тебе паршиво. С Давидом я сразу рассталась, вчера. Орала на него в кафе. А он схватил со стола твое кольцо, потащил меня к выходу. Уже на улице заявил, что собирается отвезти меня домой, представляешь?

Я хмыкаю.

— Еще как. Я сама его об этом попросила.

Глаза Илоны превращаются в блюдца.

— Э-э-э... Зачем?

— Чтобы я успела собрать вещи и уйти с Ариной, пока он тебя отвозит.

Подруга охает.

— Будешь разводиться?

— Да.

— Ань, — задумчиво хмурится Илона, всматриваясь в меня, — тебе есть где жить и на что? Я же знаю, ты не работаешь.

— Выкручусь, — пожимаю плечами. — Квартиру уже нашла, и работу найду.

Илона поджимает губы, лезет в сумку, вынимает кошелек и достает оттуда несколько оранжевых купюр.

Я качаю головой, и Илона пододвигает их ко мне.

— Бери! Тебе нужнее, тем более ты не одна, а с дочкой. Я как раз премию получила.

Во мне происходит внутренняя борьба. И вроде Илона не

виновата, но брать у нее деньги почему-то кажется мне не очень правильным. Ведь я не уверена, что смогу продолжать общаться с ней. Каждый раз, как смотрю на нее, вижу ее с Давидом, и сердце щемит.

— Не хочешь просто брать, считай, что даю взаймы, — настаивает Илона. — Вернешь как сможешь. Не отказывайся, пожалуйста. Я хочу помочь.

Здравый смысл в итоге побеждает, я засовываю гордость подальше. Она права: я не одна, мне нужно думать о дочери. Сейчас пригодится любая помощь.

— Спасибо. Я верну.

— Тебе точно хватит?

— Хватит. Плюс я заложу драгоценности, которые на мне.

— Драгоценности? — вдруг шепчет Илона и заливается краской. Медлит, опуская взгляд, но и в итоге говорит: — Ань, в общем, Давид подарил мне кольцо и браслет из золота. Я отдам их тебе, сдашь и их.

Я со злостью поджимаю губы: какой щедрый у меня супруг! Однако мозг сразу цепляется за слова Илоны, как будто она сказала что-то важное. Что?

И тут до меня доходит.

— Кольцо и браслет — это все? — уточняю я.

— Все, — кивает она, — а что?

— Да так...

Теперь мои подозрения, что Илона у него не первая любовница, превратились в уверенность. Раз Давид подарил ей

только кольцо и браслет, значит, серьги с изумрудами, чек от которых я нашла сегодня утром, он презентовал кому-то еще. Причем в то время, когда муж их купил, он уже встречался с Илоной.

Так кому он их подарил?!

Глава 12. Это (не) я

Аня

— Спи, мое солнышко, — нежно приговариваю дочери, которая сонно зевает и в конце концов закрывает глаза.

Дожидаюсь, пока она уснет, и только тогда ухожу на кухню.

Наконец-то этот сумасшедший день закончился.

Пока пропылесосила, помыла полы, разложила вещи, сходила в магазин за продуктами, приготовила поесть, покормила и искупала дочь, умаялась так, что почти не чувствую ног.

Я наливаю себе чаю, сажусь за стол, подпирая подбородок ладонью, и устало вздыхаю. Вроде и хочется спать, но в крови столько адреналина, что все равно не усну.

В итоге решаю пересчитать наличку. Складываю то, что было на карте, то, что дала Илона, и деньги, вырученные за сдачу украшений в ломбард. Сумма вышла неплохая.

Может, купить все необходимое, чтобы выпекать торты на продажу дома?

Нет, это риск. Мало ли, сколько займет раскрутка. Плюс реклама и так далее, а обязательные платежи никто не отменял. Вот в придачу к работе — другое дело. Сначала нужно официально трудоустроиться, подкопить денег, а потом уж планировать такие траты.

Будь я одна, сэкономила бы на еде — опыт имеется. Но дочери нужен сбалансированный рацион, так что не вариант.

Ладно, справлюсь.

Не зря ведь говорят: если перед вами закрылась одна дверь, где-то уже открылась другая. Я нашла жилье в первый же день. И... почти устроилась на работу — это ли не удача?

Когда шла из магазина с Ариной, проходила мимо мини-пекарни. Я застыла, увидев на двери объявление о том, что им нужен сотрудник.

Недолго думая, зашла внутрь, полная надежды, а вскоре вышла с довольной улыбкой на лице.

Хозяйка куда-то торопилась, но ей понравились фото сдобы и тортов, которые я показала, моя увлеченность и любовь к выпечке. В итоге она сказала, что ждет меня в понедельник утром, чтобы обговорить все подробнее, обсудить условия работы и так далее.

Так что место, считай, мое. Губы изгибаются в улыбке: жизнь потихоньку налаживается. Без Давида.

«Куда привезти украшения?» — приходит сообщение от Илоны, отвлекая меня от мыслей.

До сих пор вспоминаю, как ее брови взлетели на лоб, да так там и остались, когда я рассказала ей про сережки.

— Ты же не думаешь, что у Давида... — протянула она, не закончив.

— Есть или был кто-то еще, кроме меня и тебя? Как раз думаю, — печально усмехнулась я. — Или у тебя есть ка-

кое-то другое объяснение?

Илона задумалась, но в итоге покачала головой.

— Охренеть, кобель, — вынесла она вердикт.

Что ж, я полностью с ней согласна.

Зачем Давид вообще на мне женился, не понимаю. Только из-за того, что я хорошая хозяйка и мать? Разве за этим женятся? Нет, разумеется, он мне говорил и говорит, что любит. Но я в такую любовь не верю. Когда действительно любят — не изменяют.

Чувствую себя какой-то вещью. Или сотрудницей, которая прошла собеседование на вакансию жены, — верной, преданной и... удобной жены.

Я ведь и правда так старалась! Давид казался мне пределом мечтаний. Когда он начал ухаживать, я поверить не могла, что это все взаправду. Уверенный, красивый, успешный. И я, скромная студентка техникума.

Все закрутилось, завертелось, я влюбилась по уши. Когда Давид позвал меня замуж, я прыгала едва ли не до потолка. И очень ценила все, что он для меня делал.

А вот ценил ли он — вопрос. Может, на то и рассчитывал? Раз я бесприданница, не видевшая до него хорошей жизни, то соглашусь на все его условия, лишь бы не терять достаток и материальные блага? Если так, он сильно просчитался.

Я снова и снова терзаюсь догадками: сколько времени он вешал мне на уши отборную лапшу? Сколько времени я слепо доверяла ему, верила и ничего не подозревала?

— Ты не хочешь узнать, кому Давид подарил серьги, и отомстить ему? — сузив глаза, спросила Илона, со звоном приземлив чашку на стол.

— Узнать? Каким образом? Сам он не скажет, это как пить дать. Или прикажешь следить за ним? Так я лучше займусь собой и дочкой, — хмыкнула я.

Что касается мести...

Как по мне, лучшая месть — это показать Давиду, что на нем не сошелся клином белый свет, что я представляю что-то и без него, и без его денег.

Муж видит меня всего лишь приложением к нему. Довеском, неспособным ни на что, тем более на собственные решения, если дело не касается домашних дел и кухни.

Я так и представляю его дергающийся глаз, когда он поймет, что глубоко ошибался. Это ущемит его чувство собственного превосходства лучше всякой мести.

С этими мыслями я в конце концов бреду на диван, к дочке, и засыпаю под ее мерное сопение.

Утро понедельника начинается с того, что я отвожу Ари-ну в садик с бешено бьющимся сердцем. Вдруг Давид там? Ждет у ворот, начнет качать права и заставлять меня вернуться домой?

Однако этого не происходит. Он не писал мне ни вчера, ни сегодня.

Даже странно. Чувствую какой-то подвох. Муж что-то за-

думал? Что именно?

Я оставляю дочь в садике, а сама спешу на собеседование. Когда захожу внутрь, прошу продавщицу позвать хозяйку. Елена Артемовна вскоре выходит.

— Анна, доброе утро, — здоровается она и разводит руками: — Прошу прощения, но мы уже взяли сотрудника. Других свободных вакансий нет.

И я цепенею с открытым ртом. Как же так? Она говорила совсем другое еще день назад! Я ведь видела ее реакцию: я и мои навыки ей понравились. Что изменилось?

Подмечаю, что взгляд у хозяйки какой-то бегающий, и чувствует себя она явно неудобно.

Почему?

Додумать эту мысль не успеваю: Елена Артемовна разворачивается и уходит. Приходится и мне уйти ни с чем. Настроение летит в трубу. Я так надеялась на это место! И дом рядом, и садик тоже недалеко, что немаловажно, чтобы я успевала отводить дочь и забирать ее.

Я выхожу из пекарни, вижу лавочку в нескольких метрах от входа и бухаюсь на нее, прикусывая губу.

Делать нечего, придется искать новое место. Я достаю телефон, чтобы посмотреть, нет ли откликов от других работодателей, и вскоре внимание приковывает колокольчик у входа в пекарню.

Слежу взглядом за открывшейся дверью. Наружу выходит продавщица с телефоном у уха. Она меня не замечает, сразу

поворачивается спиной и начинает мило с кем-то щебетать, обсуждая планы на вечер.

Едва кладет трубку, как ей снова кто-то звонит.

— Пекарь-кондитер? Да, нужен, вакансия свободна. Да, подъезжайте сегодня.

Мое лицо вытягивается в изумлении, и я непонимающе хлопаю ресницами.

В смысле вакансия свободна? Тогда почему мне отказали?

Продавщица возвращается внутрь, а я так и сижу, словно обухом прибитая.

Внезапная догадка бьет наотмашь не хуже пощечины, аж дыхание спирает: Давид. Уж не муженек ли тут замешан?

Я в секунду закипаю и решаю подтвердить свою мысль. Звоню ему.

— Привет. Что ты хотела? — выдает муж. — Говори быстрее, у меня вот-вот начнется совещание.

— Давид, — с силой сжимаю трубку, — скажи честно, это ты постарался, чтобы меня не взяли на работу?

Секундная заминка. Я слышу, как муж немного прокашливается, а затем возмущается:

— Работу? Какую работу? Делать мне больше нечего. Это не я. Значит, такой ты работник, раз не взяли, — язвит он.

— Все, мне некогда.

И кладет трубку.

Я ошарашенно пялюсь на потухший экран.

Мне достаточно его ответа. Точнее, его тона, заминки, из-

девки и слишком деланного возмущения. Муж врал, я явно это ощутила.

Значит, он и постарался. Договориться с хозяйкой, посулив ей денег, ему наверняка не составило никакого труда. Я скриплю зубами от злости. Вот ведь гад!

Но как он узнал? Приставил за мной слежку? Но я никого не заметила...

Или как-то еще? Может, отследил по симке или телефону?

Телефон. Внутри все опускается, и я стону вслух:

— О-о-о...

Господи, какая я тупица! Как могла об этом не подумать? Давиду и детектив не нужен, я сама любезно предоставила ему возможность следить за мной через приложение. Оно стоит на телефоне давным-давно, и я благополучно о нем забыла, потому что не пользовалась.

Я морщусь от досады. Наверняка муж веселился, наблюдая за каждым моим шагом и считая круглой душой.

Листаю экран вправо почти до конца, поджимая губы и тяжело дыша. Однако ровно за секунду до того, как отправить нужное приложение в корзину, я все-таки передумываю с ехидной улыбкой на губах.

Нет, удалять его я не стану.

У меня есть идея получше.

Глава 13. Подозрительный муж

Аня

Я звоню подруге.

— Лиз, привет. Помнишь, ты говорила, что пару месяцев назад купила новый телефон?

— Ага.

— Старый у тебя дома?

— Дома. А что такое? — не понимает подруга.

— Можешь дать его мне на время?

Я объясняю, что Давид следит за мной через приложение, и Лиза в сердцах бросает:

— Вот судак! Дам, не вопрос. Все равно лежит без дела.

На том и останавливаемся. Я кладу трубку и, удовлетворенная разговором, убираю мобильный в сумку.

Давид рассказывал, что установленное им приложение отслеживает местоположение через сам телефон, а не по номеру.

Значит, я буду пользоваться старым телефоном Лизы, а муж пусть продолжает считать, что следит за мной.

Разумеется, мне придется периодически «выгуливать» и мой сотовый, чтобы он ничего не заподозрил, но мои настоящие перемещения останутся для него загадкой.

Даже немного жаль, что не увижу выражение его лица, когда он наконец-то поймет, что его облапошили. Я не тешу

себя иллюзиями, это все равно произойдет рано или поздно, но... лучше поздно.

В следующие пару дней я сбиваюсь с ног, бегая по собеседованиям и оформляя медкнижку, и наконец удача поворачивается ко мне лицом: меня берут в кондитерскую.

Пусть оклад не сильно велик, но на все необходимое точно хватит. Поднаберусь опыта, можно будет подумать и о более высокооплачиваемом месте.

Вечером, когда забираю дочь из садика, она ведет носом, едва переступая порог.

— Вкусно пахнет, — заявляет.

— А то, — поднимаю палец я и подмигиваю, — твои любимые рогастики с малиновым вареньем уже тебя заждались. Но только после супа.

И мы устраиваем маленький пир в честь моей новой работы.

Ариша рассказывает, какую крутую поделку слепила сегодня из пластилина, а я чувствую, как беспокойство забирается под кожу. Глажу взглядом дочь, вытираю большим пальцем темное пятнышко варенья с ее щеки.

Может, перевести Арину в другой садик? Что, если Давиду придет в голову заявиться и забрать ее раньше меня?

С другой стороны, если он решит действовать через дочь, мои жалкие трепыхания его не остановят. Выяснить, в какой именно садик я ее устроила, — плевое дело для него.

Ну зачем ему ее забирать? В конце концов, что он будет

делать с дочкой? Если думает, что она не доставит ему хлопот, то ошибается. Ариша очень активный и любознательный ребенок. С характером. С его занятостью единственный вариант — сгрузить дочь на нянь.

К тому же ею всегда занималась я. Как зовут ее друзей в садике, какой у нее размер обуви и одежды, любимая игрушка, какие у нее привычки и так далее — ничего этого он толком не знает. Да Давид через пару дней взвзвонит, тут и к гадалке не ходи. Тем более он постоянно на работе и проводит там куда больше времени, чем буду проводить я.

А может, я зря переживаю? Вон, муж уже второй день вообще никак себя не проявляет. Один раз позвонил, чтобы вечером пообщаться с Ариной. Наверное, молча следит через приложение, и на этом все.

Однако поговорить с ним и окончательно прояснить ситуацию все равно придется. Как минимум когда выйдет данный им срок.

Стоит только подумать об этом, как внутренности сводит в тугую узел. Беседа предстоит точно не из легких. Когда Давид поймет, что я не передумаю, как пить дать взбесится. Главное, стоять на своем и не отступать.

Наконец Арина тянет губы в довольной улыбке:
— Спасибо, мамочка, я наелась.

Мы идем в зал, где я достаю альбом и карандаши, а через час с небольшим укладываю ее спать и сама пристраиваюсь рядом.

Все-таки завтра первый рабочий день, надо выспаться.

Следующим утром меня будит скользящий по лицу солнечный лучик. Мысленно прошу: пусть и день будет таким же солнечным!

Когда я подхожу к новой работе, раздается звонок. Давид.

Отвечать или нет? Лучше ответить сейчас, пока не зашла внутрь. Если уж позвонил, точно что-то хочет и так просто не отстанет. К тому же до начала рабочего дня еще целых пятнадцать минут.

Я, тяжело вздыхая, снимаю трубку.

— Да.

— Привет, Аня. Как ты? Как Арина?

— К чему вопрос? — начинаю я и прикусываю губу.

Черт. Вчера забыла выгулять телефон, взяла его с собой только вечером, когда пошла в садик за Аришей.

Может, муж беспокоился, что я торчу дома и никуда не выхожу?

— Ну, вообще-то, я переживаю за вас, — басит он.

— Все хорошо.

— Ты где?

— Дома, — шустро отвечаю я. Телефон-то там. Значит, и я там.

Прижимая трубку к уху, веду взглядом по улице и вижу, как из соседнего с кондитерской подъезда выходит... мой новый знакомый, Тимур. Тот самый, что помог старушке. Живет тут, что ли? Вот так совпадение.

Он садится в свой мерс, и через несколько секунд машина, тихо шурша покрышками, выезжает со двора.

Пока я слежу взглядом за Тимуром, в трубке воцаряется молчание, а затем муж интересуется с нотками подозрения в голосе:

— Что за странные звуки? — И повышает тон: — Аня, ты точно дома?

Глава 14. Ты что наделала?

Аня

— Я дома, — уверенно заявляю. — Окна мою, на улице шумно.

— Понятно, — тянет Давид. — Арина уже в садике?

Можно подумать, ты не знаешь. Наверняка ведь следишь через приложение, в курсе, что я ее туда отвела. Но вслух, конечно, говорю совсем другое:

— В садике.

— Я хочу увидеться с дочерью, — вдруг заявляет муж, и я цепенею на месте, а в горле образуется ком огромных размеров. — Я соскучился.

Соскучился? Не успеваю ничего сказать, как Давид добавляет не терпящим возражений тоном:

— Я заберу ее утром, привезу обратно вечером. Специально выделил для этого целый день.

Тело пробивает крупная дрожь, и я с силой сжимаю трубку в руке, лихорадочно соображая, как отказать. В груди разрастается страх: что, если не вернет? Скажет: «Хочешь быть с дочкой, возвращайся».

— Чего ты сопишь? — хмыкает Давид. — Что там уже надумала? Ничего я ей не сделаю. Если забыла, я обещал отвезти ее в новый детский центр в эту субботу.

— Помню.

Обещать-то обещал, мы вообще должны были поехать все вместе, но это было до того, как я узнала об Илоне.

— Скинь адрес эсэмэской, заеду к восьми утра в субботу.

— Давид, это...

— Да не трясись ты так, я через трубку чувствую, — перебивает он и усмехается. — Я просто хочу провести выходной с дочкой.

И отключается.

Я снова и снова прокручиваю в голове наш разговор, поджимая губы.

В его тоне и правда не было угрозы, лишь напор.

Так, Аня, выдохни.

Я не собираюсь запрещать ему видеться с дочерью, быть той мамочкой, которая настраивает ребенка против отца, рассказывает, какой он плохой. Наши с Давидом разборки — это отношения двух взрослых людей. Для Арины мы по-прежнему мама и папа. Муж имеет полное право видеться с дочерью, тем более хочет этого.

Вот только мне кажется, что его желание с двойным дном. Может, хочет выпытать у Ариши, как мы живем?

Или хочет сразу вывести меня на разговор в субботу, когда ее вернет?

Если так, я готова, но стоит ли ставить все точки над «и» при дочке? Точно нет. И Давид наверняка понимает это не хуже меня.

Или я слишком подозрительна, и муж действительно со-

скупился? По большому счету, общаться по телефону Арина пока толком не умеет, слишком маленькая и чересчур быстро переключается на что-то другое.

Я мельком гляжу на часы на экране телефона и охаю. Пора заходить внутрь: мой первый рабочий день вот-вот начнется.

— Не давай Арине слишком много сладкого, — даю последние наставления мужу. — И уложи ее поспать днем на час-полтора.

— Справлюсь, — кивает Давид, устраивая дочку на заднем сиденье машины. — Ну что, Ариш, ты готова?

— Да, — улыбается та.

Я наклоняюсь, чмокаю ее в щеку и желаю хорошего дня. Поворачиваюсь к мужу.

Давид свежевыбрит, в идеально отглаженном костюме, от него исходит легкий аромат моей любимой туалетной воды — сама ему дарила.

Вот только он какой-то не такой, как обычно. Мне кажется или я вижу грусть в его глазах?

— Ну, мы поехали, — смотрит на часы муж. — Привезу ее к шести вечера. Максимум к семи. Обещаю.

Я киваю.

— Ань... — Давид наклоняется ко мне, и я машинально дергаюсь назад, считывая его желание поцеловать меня в щеку.

Он сводит брови к переносице, качает головой, с силой

сжимаемая челюсти, однако в тот момент, когда хочет что-то сказать, Арина стучит кулачком по стеклу:

— Па-а-ап! — зовет его.

— Потом, — кидает он мне, молча обходит машину, садится за руль и заводит мотор.

Я так же молча слежу, как его джип выезжает со двора.

Может, все-таки стоило сказать, что Ариша заболела, и не отпускать?

Ладно, что сделано то сделано. К тому же Давид еще ни разу не проводил с дочкой целый день один на один. Я всегда была рядом. Пусть побудет.

И улыбки Арины и мужа были такими искренними, когда они друг друга увидели...

Я морщусь, зажмуриваюсь. Как, ну как можно было разрушить семью одним взмахом руки? Чем Давид думал?

Впрочем, размышлять об этом мне некогда, пора спешить на работу.

Меня попросили выйти сегодня на полдня из-за наплыва заказов. Отказываться я не стала — все-таки первая рабочая неделя, а репутация хорошего сотрудника сама собой не появится.

Вскоре я захожу в кондитерскую. Внутри царит еще большая суета, чем обычно.

— Ань, тебе достаются фисташковые эклеры с малиновой глазурью. Пятнадцать штук, — говорит Татьяна, моя начальница.

Я киваю и приступаю к работе. Измельчаю в блендере фи-сташки и миндаль для пасты, добавляю к измельченным орехам сахарную пудру.

Автоматом вслушиваюсь в разговор двух коллег.

Соня, пухленькая блондинка, обсуждает с Тамарой, высокой и худой брюнеткой, какой-то сериал.

— Мне бы такого Серкана, — вздыхает она. — Ну такой красавчик! Ты видела, как он смотрел на Эду в новой серии? Я там так и поплыла...

Красавчик? Есть у меня такой. Точнее, был. И я тоже поплыла поначалу. И приплыла куда совсем не хотела. М-да. Надеюсь, этой Эде повезет больше.

Когда ореховая паста готова, принимаюсь за сами эклеры и ощущаю в кармане вибрацию сотового.

Решаю посмотреть позже, но через пару минут телефон снова вибрирует.

Я вздыхаю, снимаю перчатки и достаю мобильный.

Давид.

«Арина хочет косичку. Как ее заплести?»

Чего? Я ведь утром сделала ей ее любимые хвостики, с чего она передумала? Неужели Давид собрался ее заплетать сам? Офигеть. Никогда не заплетал, и нате вам.

«Посмотри в интернете видео, это быстрее и проще, чем объяснять на пальцах», — печатаю, убираю телефон и возвращаюсь к тесту для эклеров.

Не проходит и получаса, как телефон снова вибрирует.

Да е-мое!

Снова достаю телефон.

«Какую такую Иззи она у меня просит, я никак не пойму».

Я издаю смешок. Это единорожка из ее любимого мультика «Май литл пони».

Наверное, Ариша попросила включить ей видео, пока едут в детский центр.

Я отвечаю, снова кладу телефон в карман в надежде, что дальше он справится сам.

Куда там! Вскоре я начинаю очень сильно жалеть, что отпустила дочку с мужем.

Вопросы сыплются на меня как из рога изобилия, и я чудом успеваю достать эклеры из печки вовремя. Еще минутка, и подгорели бы.

«Она на батут хочет, а там дети постарше. Можно или не стоит?»

«Салфеткой руки каждый раз протирать? Салфетки обычные или антибактериальные?»

«Она просит лимонад. Но уже выпила два стакана. Давать еще или лучше обычную воду?»

«Чего ты так долго отвечаешь, я ведь жду!»

Вообще-то, я работаю, в отличие от некоторых. Конечно, Давид считает, что я прохлаждаюсь дома, и мне ничего не стоит отвечать на каждую мелочь.

Еще через несколько вопросов у меня дергается глаз, коллеги и те косятся. Мне хочется взять чугунную сковородку

и хорошенечко приложить об голову супруга. Ему повезло, что он далеко.

«Как мне ее в туалет вести? Идти без меня в женский она отказывается».

«Своди в туалет для мам с детьми!» — с силой давлю пальцем на экран телефона, закатывая глаза.

«Арина хочет на паровозик. Ее не укачает?»

«Второе пирожное можно или уже не стоит?»

«Она коленку ударила, рыдает, я не могу ее успокоить. Что делать?»

Вопросы, вопросы, вопросы...

На какое-то время Давид наконец отстает от меня, но в тот момент, когда эклеры наконец-то покрыты глазурью и остается лишь украсить их сверху, приходит очередная эсэмэска.

«Как варить эти гребаные яйца? Арина захотела яиц. Те, что я сварил, ей слишком твердые».

Передо мной словно из ниоткуда появляется Татьяна.

— Аня, ты скоро? Клиент пришел.

Да твою ж налево!

— Да-да, — бормочу я.

Хватаю сублимированную малину, посыпаю на глазурь и выдыхаю.

— Готово.

Наконец-то можно выдохнуть.

Чтоб я еще пошла на такую авантюру — да ни за что. Давид мне всю душу вытряс, пока я готовила эти несчастные

эклеры!

Я печатаю ему ответ, сколько минут варить яйца, убираю за собой рабочее место.

Когда удовлетворенно оглядываю чистый стол, на кухню с диким взглядом влетает Татьяна.

— Аня, ты что натворила?! — орет она.

— Я? Что такое? — не понимаю я.

— Почему на эклерах клубника вместо малины, а?

— В смысле клубника? Я брала мали... — Я не договариваю, гляжу на стоящие рядом контейнеры с сублимированными ягодами и испуганно охаю.

Они стоят рядом, и я... А что я. Виновата, что сказать. Перепутала.

Перевожу испуганный взгляд на Татьяну. В висках начинает стучать, а в горле резко пересыхает.

Ну, Давид, спасибо, удружил.

— Клиент просит тебя. И он жутко требовательный. Требуется позвать того, кто готовил его эклеры. А еще — он один из наших лучших клиентов. Не дай бог перестанет к нам ходить. Иди, разбирайся с ним!

Я громко сглатываю и на негнувшихся ногах иду в торговый зал, понуро склонив голову.

Ничего хорошего не жду. Сейчас на меня наорет клиент. Поделом, между прочим. Потом снова Татьяна. А потом уволят.

В уголках глаз скапливаются слезы.

Устроилась Аня в хорошее место. Ага.

Поднимаю взгляд на клиента, который стоит ко мне спиной, тихонько кашляю, привлекая внимание.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.